

Книга Первая

ПЕСНЬ ПУСТЫНИ

* о внезапном разрушении привычного мира,
когда под вопросом твои собственные
убеждения и принципы

... ты услышишь ее там, где цветут фиалки

Эльвира Аббасова

Эльвира Аббасова

Песнь пустыни. Книга Первая

«Автор»

2026

Аббасова Э.

Песнь пустыни. Книга Первая / Э. Аббасова — «Автор», 2026

Мирный купец Аттар поневоле ввязывается в водоворот ужасающих событий, разрывающих песчаные королевства. Очнувшись после жестокой бойни со стертой памятью, он сталкивается с кошмарной реальностью: его клеймят безжалостным убийцей. В одно мгновение рушатся все его жизненные смыслы и непоколебимые принципы. Став свидетелем изощренной жестокости правителей и пугающей алчности обычных людей, готовых продавать чужие жизни за мешки золота, Аттар теряет прежние ориентиры в мире, где человечность больше ничего не стоит. В отчаянной погоне за правдой и в попытках не потерять себя окончательно, он пускается в опасное странствие. Его единственная надежда снять с себя ложное клеймо — найти загадочную зеленоглазую деву, которая кажется ему то мимолетным миражом, то воплощением самой пустыни. Повинуясь интуиции, Аттар шаг за шагом движется к разгадке своей участи, ведомый лишь ускользающим следом благоухания таинственных фиалок. Но куда приведет этот хрупкий цветочный запах и что его ждет на пути?

© Аббасова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга Первая	5
Глава 1. Всадник и конь	6
Глава 2. Возвращение домой	8
Глава 3. Поиски	15
Глава 4. Не бойся меня	21
Глава 5. Там на западе	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эльвира Аббасова

Песнь пустыни. Книга Первая

*«Будь ты кочевником, твой дух
вечно блуждал бы по свету в
поисках ускользающей истины. Но
будь кочевницей я, мой путь
завершился бы в ту же секунду —
ведь весь смысл вселенной я
отыскала бы, просто шагая по жизни
с тобой».*
— Эльвира А.

Книга Первая

Песнь пустыни... ты услышишь ее там, где цветут фиалки.

Глава 1. Всадник и конь

Тяжёл и печален был их путь. Аттар ехал верхом на своём верном скакуне, и оба они были изранены и жестоко исколоты стрелами в той злосчастной битве, что осталась позади. Острые наконечники ушли глубоко в плоть, точно злые иглы, но за долгие мили пути боль притупилась. Бывает так, что к исходу долгой дороги старые раны окостеневают, и путнику начинает казаться, будто чёрные стрелы врагов торчали из него всю его жизнь. Кровь больше не лилась горячей струёй, а лишь запеклась вокруг древков тёмно-красными тяжёлыми каплями.

Копыта бедного коня были сбиты в кровь. Бедняге едва хватало сил, чтобы нести собственное бремя, не говоря уже о всаднике. Серебряный лунный свет заливал пустыню, и в этом обманчивом блеске копыта то и дело глубоко увязали в зыбучих песках. Поднимался сильный ветер — предвестник яростной песчаной бури. Он выл и свистел, толкая путников в спину, словно старый суровый погонщик, который торопит их и не даёт упасть. Но силы их были на исходе.

Тогда Аттар соскользнул на землю и ласково придержал коня. Он подошёл к самой его морде, мягко погладил по тёплому носу и заглянул в уставшие преданные глаза. В них, точно в двух чистых озерцах, отражалось бездонное звёздное небо, но за звёздами крылась глубокая, нечеловеческая печаль. Ни одного слова не было сказано в тот миг, да и к чему были слова? Аттар просто прислонился своим лбом к бархатному лбу коня. Целый год этот добрый скакун верой и правдой служил своему хозяину. Он шёл за ним по опасным тропам, бесстрашно выносил его из самого пекла и всегда оказывался рядом, когда бывал нужен.

Всадник смотрел на своего друга с великим сожалением, но Аттар был из тех добрых людей, чьё сердце верило в конечную справедливость мира. Он сам не страшился смерти и теперь видел в ней не врага, а милосердное спасение для своего измученного товарища. Конь тоже не дрожал. В его кротком взгляде Аттар прочёл удивительное понимание и смирение перед роком, какое бывает только у благородных животных, безгранично доверяющих человеку. Говорят, люди боятся смерти по той же причине, по какой малые дети боятся темноты — лишь потому, что не ведают, что скрывается за этой завесой. Но Аттар твёрдо верил: какая бы тайна ни ждала впереди, эта темнота принесёт его другу долгожданное исцеление и покой.

Не отводя взгляда от верных глаз коня, Аттар медленно занёс руку за спину. Едва его ладонь скрылась, в тишине ночи раздался чистый, резкий свист эльфийской стали. Меч пронзил воздух — быстро и милосердно, обрывая земные мучения животного.

Скакун тихо опустился на песок. И в то же мгновение показалось, будто само время замедлило свой ход: песчинки, взметнувшиеся из-под упавшего тела, застыли в воздухе золотой пылью, а великая россыпь звёзд в вышине замерла, оплакивая уход верного друга.

В тот момент он услышал стук собственного сердца — громкий, частый, полный упрямой жизни. А вслед за ним на холм опустилась тишина. Бытует мнение, будто тишину нельзя услышать, ведь в ней нет ни единого звука, но Аттар услышал её отчетливо. То было безмолвие, воцарившееся в его собственной груди и в застывшем дыхании доброго коня. Там, на вершине песчаного кургана, он избавил своего верного товарища от жестоких страданий и мук.

Ни разу до этой горькой ночи Аттар не отнимал ничьей жизни. Все войны и кровопролитные битвы до сих пор обходили стороной ту светлую часть его души, что всегда стремилась к миру и покою. Он всем сердцем не понимал, отчего люди с такой легкостью идут на смертный бой и столь варварски губят чужие дни. Не они дали эту жизнь, и не им, простым смертным, решать, когда оборвется земной срок. Во всех прежних битвах, где ему доводилось обнажать клинок, Аттар лишь оборонялся, защищая себя и тех, кто ему дорог. Он мог выбить оружие из рук неприятеля или нанести легкую рану, но лишить живое существо дыхания — никогда!

В ту ночь он застыл, точно статуя. Казалось, во всем мире двигалась лишь кровь, струившаяся по его мечу, острием направленному в землю. Красные капли одна за другой падали в песок у его ног, окропляя сухую суровую землю. Конь больше не дышал. И всё же путник знал: это не было душегубством, то было истинное благо.

Измученный, с черными обломками стрел в спине, Аттар упрямо двинулся дальше. Ветер завывал в темноте, точь-в-точь как верный пес, который истошно скулит и плачет о кончине своего хозяина и друга. От этого тоскливого воя становилось еще холоднее в и без того студеной ночной пустыне.

Постепенно Аттар погрузился в глубокие думы — то была тихая встреча с самим собой, погружение в то великое безмолвие, где все мирские тревоги отступают, оставляя лишь покой и бесконечный ковер звезд над головой. Да, теперь он брел в полном одиночестве, но свято верил, что его скакун обрел лучший удел в светлых чертогах для верных животных. Взглянув на сияющую россыпь в вышине, путник улыбнулся: ему померещилось, будто в честь его четвероногого друга на небесах затеплилась новая, чистая звездочка.

Однако силы его были на исходе. Не пройдя и мили, Аттар подкосился и камнем рухнул на землю. Он шел по самому гребню, а потому, упав, покатился по крутому песчаному склону вниз. Бедное тело его швыряло во все стороны, и казалось, целую вечность он кружился в этой сухой кутерьме. Обломки стрел с треском ломались, причиняя несчастному лютую боль и вонзаясь еще глубже в раны. Наконец, он замер у подножия холма, едва дыша и перевернувшись на спину.

Он едва находил силы разомкнуть веки. Перед его взором плыл серебряный свет далеких звезд, но сквозь него проступало что-то еще. Глаза Аттара были запорошены пылью; он утер лицо ладонями и увидел ласковое, мягкое сияние, устремленное прямо на него. Откуда-то сверху донесся тихий шепот — нежный, девичий, слов которого он не мог разобрать, но чье ласковое тепло согрело его израненное сердце.

Сквозь прищур он разглядел дивный силуэт. Перед ним стояла дева, облаченная в черные, полупрозрачные одежды, а ее светлые струящиеся волосы в лунном свете казались чистым серебром. В тот самый миг, когда очи его закрылись, в темноте промелькнул ее удивительный, глубокий взгляд.

— Изумруд?.. — едва слышно прошептал он и вмиг погрузился в глубокий, беспмятный сон.

Глава 2. Возвращение домой

Очнулся путник в странных покоех, которые не имели дверей и более походили на просторный шатер, нежели на дом. В толстой каменной стене было вырублено широкое окно, плотно завешанное чистыми холстами. Хозяйка дома, должно быть, повесила их сушиться на солнце, но не решилась выставить на улицу, дабы уберечь от летучей пыли. «Неужто близится буря?» — подумал Аттар. В том не оставалось сомнений. К тому же за стенами дома до него донеслись знакомые голоса — то была родная и понятная его сердцу речь. Сомнения рассеялись: он каким-то чудом вернулся в свой родной город Шилими.

Но как он очутился в этих стенах? Ведь та зловещая пустыня, где он искал спасения от врагов, лежала по меньшей мере в четырех днях пути отсюда.

— Неужто я проспал четыре дня и четыре ночи? — удивленно прошептал он и плавно поднялся со своего ложа.

Рядом стояло большое зеркало, обрамленное ажурной медной рамой. Аттар тотчас повернулся к нему спиной, желая осмотреть свои увечья. Он обнаружил, что облачен в просторную рубаху, белую как свежий снег, однако пуговицы на ней были застегнуты наспех и совсем не в те петли. Оно и не удивительно: если его принесли сюда без чувств, великим благом было уже то, что добрые люди сумели его переодеть. Попытавшись задрать подол, чтобы взглянуть на иссеченную стрелами кожу, Аттар сперва ухмыльнулся неловкой заботе безвестного лекаря, но в ту же секунду лицо его переменилось, а сердце пропустило удар.

На его спине не осталось и следа от недавних ужасных ран.

В глубоком недоумении он опустил рубаху и повернулся к зеркалу лицом. Из медной рамы на него глядел высокий, статный муж с бронзовой кожей, оттенком едва ли уступавшей благородному металлу оправы. Густые черные кудри обрамляли его лицо, а в больших карих глазах все еще застыл ужас той страшной ночи.

— Нет, я ни за что не поверю, будто всё это мне лишь привиделось, — тихо промолвил он самому себе.

Он не мог заставить свой разум поверить, что битва и гибель друга были лишь сном. Ладони его до сих пор отчетливо помнили холодную тяжесть рукояти и то, как клинок взрезал ночной воздух, обрывая преданную жизнь. Подобные вещи не рождаются из пустых фантазий, и память о них не смывается бесследно. Поняв, что вопросов у него теперь куда больше, чем ответов, Аттар решительно направился к выходу.

Стоило ему переступить порог, как яркий солнечный свет ослепил его, а налетевший порыв ветра бросил в лицо пригоршню песка — то бушевали последние, угасающие вздохи бури. Аттар поспешно отступил под кров дома, накинул на плечи плотный плащ из белого сукна и обмотал вокруг головы легкую ткань, укрыв лицо от ярости неба. Лишь теперь, надежно защищенный, он смог выйти наружу.

Город вокруг него был полон предобеденной жизни. Из соседних жилищ доносился звонкий ребячий гогот и мягкие женские голоса — хозяйки то весело смеялись, то с удивлением делились с сестрами последними городскими вестями. Аттар миновал всего несколько домов, когда буря окончательно смирилась и утихла. Жители Шилими принялись открывать тяжелые ставни окон, выходя навстречу вернувшемуся солнцу. Тогда путник сбросил с лица белые ткани и размеренным, чинным шагом направился к чертогам старейшины.

Обитель старейшины располагалась у самых ворот города, на его окраине. Путь туда лежал через просторную площадь, вымощенную желтым кирпичом. В лучах полуденного солнца этот камень отливал чистым золотом, отбрасывая яркие блики и пуская веселых солнечных зайчиков по стенам обступивших площадь домов. Поодаль же, за золоченым мощением, раскинулись узкие плетеные улочки Старого города, где вечно кипела и бурлила жизнь.

Странники из далеких краев держали путь в Шилими лишь ради того, чтобы воочию узреть этот удивительный край. Своей неопишуемой красотой он был обязан не только древнему зодчеству, расписным коврам, выставленным на продажу, или пестрым платкам, что раскачивались на каждом крыльце, подобно полупрозрачным вуалям. Истинной душой Старого города были его люди.

Здесь, в тесных кварталах, вековыми корнями вросли в землю старинные роды. Под одной крышей порой уживалось до пятнадцати душ — великие семьи, собравшие под своим кровом несколько поколений, ибо таков был священный обычай предков. Главу каждого подобного дома знали, почитали и уважали во всем Шилими, и для каждого сына было величайшей гордостью однажды унаследовать место отца, встав во главе славной династии.

Минуя эти почтенные дома, путник мог наблюдать, как зрелые мужики, пока их жены предавались домашним хлопотам, состязались во дворах в мудреной настольной игре. И то было вовсе не праздное ребячество, но самое настоящее, высокое искусство! То была искуснейшая и сложнейшая игра во всех восточных землях пустыни. Кварталы Шилими издревле славилась лучшими мастерами, и порой искусные игроки преодолевали долгий путь из чужих городов, дабы оспорить первенство местных знатоков. Но до сей поры ни один чужеземец не сумел превзойти в этой забаве почтенного дядю Баклая.

Аттар хорошо знал его. В свои восемьдесят лет старый Баклай мог дать фору любому юнцу в роду; он был полон неиссякаемых жизненных сил и благодушия — верно, истинное счастье и впрямь служит залогом долголетия и доброго здоровья. Был он невысок ростом, обладал суровым, пронизательным взором, но хранил великую мудрость и мягкость к своей родне. Аттар же водил с ним знакомство оттого, что именно на этих улочках рос его названный брат и товарищ детских лет — Рамзи, младший сын Баклая. И хотя сам Аттар вырос в ином конце города, судьба некогда свела мальчишек, подарив им общее безмятежное детство.

Рамзи уродился полной противоположностью своему родителю. Лик его отличался мягкими, благородными чертами, а взор казался открытым и ясным, но за этой обманчивой внешностью порой проглядывала пугающая жестокость. Пока ты дитя, сердце твоё всеми силами отворачивается от зла, не желая замечать черноту в тех, кто тебе дорог. Но в Рамзи с малых лет таилось нечто мрачное — то самое семя порока, которое Аттар так отчаянно пытался не замечать в былые годы. Теперь они оба возмужали, и стало невозможно отрицать очевидное: пускай лицом и статной осанкой Рамзи походил на Аттара, точно родной брат, но внутри него все было соткано из совсем иной, темной материи.

Лишь богам ведомо, отчего так разнятся пути двух мальчишек, которые некогда забавлялись одними игрушками, бегали босиком по пыли одного двора и преломляли один и тот же хлеб. Они выросли под одним солнцем, но обрели совершенно разное видение мира и цену человеческой жизни.

Аттар не держал на него обиды, но когда детство безвозвратно миновало, судьба развела их пути в разные стороны. Рамзи не разделял мирных убеждений своего названного брата; он почитал войну за доблесть, а гибель людей — за неизбежное и должное. Аттар же, в свою очередь, глубоко сокрушался сердцем, глядя на товарища, и никак не мог взять в толк, в какой именно миг тот соступил со светлой тропы. Окончательно их дороги разошлись в тот злосчастный день, когда Рамзи вызвался добровольцем на битву при стене Сеннта — грозной твердыне, стоявшей в ста милях от их родных краев. Эта стена веками служила щитом и воротами Шилими, оберегая покой горожан от набегов разбойников и диких племен. В те времена считалось великой честью нести стражу в гарнизоне у стены. Однако Аттар ведал горькую правду: Рамзи шел туда вовсе не ради защиты отчего дома, но дабы безнаказанно вершить самосуд над ратниками чужих земель.

Ведь тех вражеских солдат гнали на убой без выбора и жалости, насильно вырывая из родных семей и мирных жилищ. То были простые люди, которые более всего на свете желали

видеть первые шаги своих детей, слышать их робкие первые слова, преломлять домашний хлеб, обнимать любимых жен и просто жить под солнцем. Но вместо этого им суждено было пасть в пыли у чужой стены, которая им вовсе не была нужна — ибо то была не их битва, а корыстная распря жадных до власти владык.

Аттар понимал это всей душой. Он избегал войн не оттого, что в жилах его текла трусливая кровь, но потому, что руки его не были созданы для душегубства. Он не считал себя вправе обрывать нити чужих судеб и красть отмеренное земное время. Аттар знал: сразив лишь одного мужа на поле брани, воин тем самым губит и его безутешную вдову, убивает его нерожденных детей, внуков и весь их грядущий род. Одно-единственное смертоносное движение клинка способно разрушить целое древо жизней, порождая такое людское горе, что порой бывает страшнее самой кончины. Но Рамзи был слеп к этим истинам; он жаждал лишь пролитой крови, звенящего золота и славы. И поныне оставалось великой загадкой, как в столь сплоченной семье, чтившей древние и добрые обычаи предков, вырос столь беспощадный и алчный человек.

Проходя мимо старцев, увлеченных игрой на тихой улочке, Аттар на мгновение переглянулся с отцом Рамзи. В глазах почтенного Баклая путник заметил не привычный счастливый проблеск, а глубокую, затаенную печаль. Они безмолвно и с почтением склонили друг перед другом головы, и Аттар двинулся дальше. На краткий миг в его мыслях вновь ожил образ друга детства, о котором он не получал вестей уже долгие месяцы. «Жив ли он еще?» — промелькнула робкая дума и тут же растаяла без следа.

Дорога его была окончена. Перед Аттаром раскинулся чудесный, цветущий оазис, нисколько не похожий на иные кварталы города. На самом краю Шилими, в уединении от прочих жилищ, высился просторный дом старейшины, приметный издали своей пышностью и ярким убранством. Вокруг него шумели раскидистые пальмы, а в тени их ветвей покоился тихий прозрачный пруд.

Аттар подошел к самой кромке воды и заглянул в глубину, где плавали волшебные рыбы — так они с Рамзи в далеком детстве нарекли диковинных карпов. Величавые рыбы в ярком красно-белом наряде безмятежно кружили в воде, подчиняясь своему неспешному и мирному укладу. Было в этом зрелище некое чудное успокоение: можно было часами стоять на берегу, внимать шепоту ветра и хрустальному переливу струй. В былые годы два мальчика часто сбегали сюда по вечерам, усаживаясь у запретного пруда старейшины, дабы полюбоваться рыбами в лунном свете. Тогда озерная гладь казалась вылитой из чистого мерцающего серебра, а ее безмолвные обитатели выглядели еще прекраснее и отрешеннее от всех земных тревог.

Внезапно Аттар вспомнил один день из ушедшего детства, после которого он стал приходить к пруду лишь в одиночестве. Как-то раз Рамзи тайно выкрал из воды одну из волшебных рыб. Старейшина вскоре проведал о краже, но в тот раз мальчишка отделался лишь легким испугом: рыбу у него отобрали и вернули в родную стихию. Однако в душе Рамзи после того случая будто надломилась какая-то важная струна. Почуввав безнаказанность, он принялся творить новые, куда более дерзкие бесчинства, но теперь уже тайлся от названного брата. То он умыкнет курицу у соседей, чтобы сбыть её на рынке, то разобьет драгоценную вазу на главной площади...

Забавно было то, что он вовсе не нуждался ни в звенящей монете, ни в чужом внимании — семья его жила в добром достатке, а родители не чаяли в сыне душу, особенно старый отец. Аттар никак не мог постичь этой злой перемены, и порой ему казалось, что он и вовсе никогда не знал своего друга.

Минуло несколько лет, и старейшина Боригар рассудил взять отрока к себе на выучку, дабы исправить его буйный нрав. Почтенный Баклай не стал противиться воле правителя, и Рамзи переселился в этот богатый дом. В городе шептались, будто старейшина растит себе преемника, и в тех речах крылась истина. Боригар разглядел в юноше ту отчаянную, безрас-

судную жестокость, которой втайне всегда вожделем сам, но для которой его собственному сердцу не доставало дерзости. В Рамзи же этого темного пламени было с избытком.

Стоя у порога, Аттар долго не решался переступить черту. Наконец он протянул руку к тяжелому медному кольцу на двери, но стоило пальцам коснуться металла, как засов дрогнул. Дверь распахнулась, и на пороге возник Рамзи. Ликом он остался прежним, но детская мягкость безвозвратно покинула его — черты лица заострились, став хищными и жесткими. На губах его заиграла улыбка, он шагнул вперед, намереваясь заключить друга в объятия, и воскликнул:

— Наш доблестный воин жив и невредим!

Аттар, однако, отшатнулся и холодно отступил на шаг назад.

— Я не воин, — отрезал он, — и никогда им не буду.

— Ну полно, добродетель, не кипятись! Я лишь пошутил, — Рамзи примирительно поднял ладони.

— Мне не по нраву такие шутки. Особенно из твоих уст.

— Что ж, проходи в дом. У тебя всё равно нет иного выбора, ты ведь и сам это знаешь? — голос Рамзи внезапно переменялся, утратив напускное веселье, и он увлек гостя за собой.

В прихожей чертога было тесно и сумрачно. На полу лежал круглый пестрый ковер, уставленный множеством мужских сапог, но среди них не было ни единой женской туфли. В этот дом дочерям вход был заказан: среди горожан обитель старейшины давно пользовалась дурной славой места, где вершатся жестокие дела и проливается кровь. Считалось, что женщине — как существу чистому, светлому и безгрешному — не место среди этой скверны. Мужчины Шилими ревностно ограждали своих жен и дочерей от того мрака, который творили сами. Жители города предпочитали пребывать в сладком неведении. Они верили, что куда лучше жить в покое и не знать о тех ужасах, что творятся за закрытыми дверями, хотя мрак уже подступал к самым их порогам.

Аттар разулся и оставил свои дорожные сапоги у порога, среди чужой обуви. Рамзи безмолвно увлек его за собой сквозь анфиладу длинных, узких переходов, направляясь к лестнице на верхний ярус. Едва они ступили на первые деревянные ступени, как из подвальных глубин донесся отчаянный, полный боли крик мальчишки. Аттар вздрогнул и замер, но Рамзи тотчас грубо дернул его за рукав:

— Иди вперед и не вздумай останавливаться, — процедил он сквозь зубы.

Дальше они шли в тягостном молчании. Верхний ярус чертога являл собою зрелище куда более пышное и богатое. Нижние покои предназначались для челобитчиков и простого люда, здесь же, наверху, вершились судьбы города, принимались знатные мужи и почивал сам старейшина. Стены тут были обшиты деревом, но не простым и потемневшим от времени, какое видят в обычных избах, а гладким, залитым блестящим лаком. На нем висели тяжелые полотна в золоченых рамах, и рамы те, вопреки обыкновению, были отлиты из чистого тяжелого золота. Старейшина Боригар питал пагубную страсть к излишествам и не чурался безвкусной роскоши. По всему коридору в беспорядке громоздились бархатные кресла с золотыми накладками, а под ногами лежали узорчатые ковры, кои в те времена ценились на вес серебра не только в Шилими, но и во всех окрестных землях. В самом тупике высилась двустворчатая дверь, украшенная искусной резной вязью в виде дивных птиц и цветов. Однако Аттар слишком хорошо помнил, что за этой дверью не водилось ни птиц, ни цветов...

Тяжелые створки разошлись, и взору вошедших открылась палата городского совета. В просторной зале кругом были расставлены кресла, на которых восседали знатные мужи Шилими: от богатейших купцов и надзирателей книжных школ до высокопоставленных священников. Посередине же этого людского кольца, точно загнанный в клетку зверь, лихорадочно мерил шагами пол сам старейшина Боригар. Тяжелый, спертый воздух в комнате был пропитан дурным предчувствием — казалось, над городом назревает страшная буря.

Рамзи громко окликнул правителя, прерывая безмолвное ожидание:

— Отец! Он здесь.

— Заходите, дети мои, заходите, — спешно отозвался тот, не переставая оглядываться.
— Мы как раз только приступили к совету.

— Отец, — Рамзи шагнул вперед, указывая на спутника, — Аттар был жестоко изранен стрелами всего два дня назад. Но ныне на нем нет ни единого шрама.

Аттар опешил от этих слов и с глубоким подозрением воззрился на названного брата. Все, кто находился в палате, разом обернулись к вошедшему, и лица их исказил суеверный ужас. Но более всего Аттару запомнился лик старейшины. На Бorigара было жалко смотреть: в глазах его застыли паника и яростный страх правителя, почуявшего, что в его владениях вершится нечто тайное, неподвластное его воле и законам.

Бorigар коршуном подлетел к Аттару и цепкими пальцами принялся бесцеремонно задирать подол его рубахи. Аттар оцепенел. Разум его отказывался понимать, откуда этим людям ведомо о его беде и о ранах, которых теперь не существовало. Решительным движением он вырвал ткань из рук старца, одернул рубаху и гневно воскликнул:

— Откуда вам вообще ведомо, что я был ранен?! Откуда вы знаете, какими были те раны? Не смейте говорить мне, будто всё это — лишь нелепое совпадение!

— Ты имеешь полное право гневаться и требовать ответа, Аттар, — вкрадчиво, точно убаюкивая дитя, промолвил Бorigар, тщетно пытаясь вернуть беседу в мирное русло.

— Право? — горько ухмыльнулся Аттар, смерив совет презрительным взглядом.

— Ну разумеется, ты в своем праве, — голос старейшины сделался вкрадчивым и леденящим, а на губах змеей промелькнула улыбка. — Но у нас прав куда больше. Надеюсь, твой разум еще способен это осознать?

Аттар совладал с собой и безмолвно, погруженный в глубокие думы, опустил в кресло у окна. Мужа совета переглянулись и уставились на своего правителя, ожидая от него решительных действий. Старейшина с грозным видом сел за стол подле Аттара и твердо произнес:

— Ты был на поле битвы несколько дней назад, бок о бок с Рамзи и другими моими ратниками. Я послал вас в тайный дозор, но враги уже поджидали отряд в засаде. А сейчас не могу понять, как и через кого, но о вашем пути проводили недоброжелатели и устроили подлое нападение.

— Я помню те часы совсем иначе, — ответил Аттар, устремив на него спокойный взгляд.
— Имею ли я право на свою правду?

— Право ты имеешь, — отрезал Бorigар, — но память твоя лжет! Ты зарубил полдюжины врагов в той сече и сам пал, истыканный стрелами их лучников, после чего бежал с поля боя верхом на раненом коне. Или всё было не так?

— Нет! — твердо молвил Аттар. — Я не губил ничьих жизней. Я держал путь в соседнее поселение, дабы отвезти заказы моей семьи. Если почтенный совет позабыл, моя семья исстари варит целебные масла и торгует ими. Мы купцы, а не воины! В песках на мой караван напала шайка разбойников, пожелавших отнять товар. Дальше всё как в тумане... Но я отчетливо помню своего верного скакуна, зыбучие пески и жгучую боль от стрел. Помню, как сам вырывал наконечники из плеча, но не мог дотянуться до тех, что застряли в спине. Помню свою кровь. Но твой отряд, Рамзи и твое поручение — всё это чуждо моему разуму!

— Мне надоели эти бредни, Аттар! — вскричал Бorigар, и лицо его покраснело от гнева.
— Ты воин! Ты был в той вылазке по моей воле и не один! Смирись с этим и живи дальше. Ибо если всё было иначе, откуда бы нам знать о твоих ранах?

Аттар оторопел. В его мыслях, точно набатный колокол, забился один-единственный вопрос: «Откуда?» Он умолк, силясь воскресить в памяти ту роковую ночь. Перед его мысленным взором вновь раскинулась темная бархатная ткань небосвода, богато расшитая алмазной россыпью звезд. Там плыла луна, подобная серебряной монете, брошенной в бездну, дабы

освещать пустынную даль. Он вспомнил угасающие очи своего скакуна, вспомнил частый стук собственного сердца... и более ничего. *«Неужто больше ничего?!»* — с затаенным ужасом спросил он самого себя.

— Что еще ты помнишь? Говори! — Боригар коршуном набросился на него и мертвой хваткой вцепился в ворот его рубахи.

— Ничего, — строго и холодно отчеканил Аттар, решительным движением разжав пальцы старца.

В ярости старейшина указал ему на дверь и прогнал вон из палаты совета. Едва тяжелые резные створки захлопнулись за спиной Аттара, как за ними разразился бурный, встревоженный спор — до него долетали громкие, полные страха крики знати. Рамзи остался внутри, а Аттар поспешил прочь из этого проклятого места.

Спускаясь по лестнице на нижний ярус, он заметил дверь, из-за которой ранее доносился отчаянный детский плач. Ныне она была слегка приоткрыта. Заглянув в щель, Аттар увидел убогую каморку: там стояла маленькая постель, похожая на детскую колыбель, а единственное окно было наглухо заколочено серыми досками. На земляном полу, съевшись подле кровати, сидел маленький мальчик.

Аттар осторожно толкнул дверь рукой, и та жалобно заскрипела. Дитя вздрогнуло от страха и глубже забилося в темный угол комнаты.

— Не бойся меня, — поспешил успокоить его Аттар, смягчив голос. — Я не причиню тебе вреда. Я не такой, как они.

— Все вы одинаковые, — едва слышно прошептал мальчик, глядя на него полными слез глазами. — И ты такой же...

— Хочешь, я отыщу твоих родителей, дабы они забрали тебя из этого мрачного места? — ласково спросил Аттар, присаживаясь перед дитятей. — Где твой родной дом, малыш?

— У меня больше никого нет на всем белом свете, — тихо промолвил мальчик и горько опустил голову.

— Отныне у тебя есть я, — с теплой улыбкой отозвался путник. — Я твой новый друг, и зовут меня Аттар. А как твое имя?

Мальчик медленно поднял взор, и Аттар оцепенел от ужаса: очи ребенка были затянуты безжизненной белой пеленой, а зрачки совсем лишились цвета, оставив лишь угасающий оттенок голубых глаз. Они уподобились двум блеклым слепым жемчужинам... В то же мгновение по земляному полу пронесся леденящий душу ветер. Аттар ощутил его особенно остро, ведь он оставил свои сапоги у порога чертога. Стоя босыми ногами на холодной земле, он воочию узрел, что этот порыв не был обычным сквозняком. Воздушный поток, точно живая змея, скользнул мимо лодыжек Аттара и устремился напрямик к стопам незрячего дитя.

Мальчик затрепетал и принялся нашептывать странные, едва слышные речи. Одни слова были рождены на родном наречии Аттара, другие же казались совершенно чуждыми и древними. С великим трудом он сумел разобрать лишь обрывки этих таинственных заклинаний: *«Пустынный ветер...», «Проливая кровь...», «Там, где цветут фиалки...»* — остальное же потонуло в неразборчивом шепоте.

Внезапно колдовской ветер утих, оставив их в покое, и дитя вновь распахнуло веки. На Аттара глядели ясные, живые глаза — невиданного, пронзительно-зеленого оттенка. Цвет их был...

«Изумруд!» — вспыхнуло в сознании Аттара. Он тотчас вспомнил завораживающий взгляд той прекрасной девы, что явилась ему среди ночных песков.

Охваченный суеверным страхом, путник поспешно покинул каморку и бросился вон из проклятой обители старейшины. Обувшись наспех, он бежал прочь. На обратном пути к своему жилищу он без конца прокручивал в уме пророческие слова слепца. Теперь, когда перед ним вновь предстал этот колдовской цвет, Аттар отчетливо вспомнил напевную речь светло-

волосой незнакомки в пустыне. Звуки, что шептала она над его израненным телом, были точь-в-точь похожи на таинственные речи мальчика. Но какая сила связала дитя из подземелья и деву из зыбучих песков, он постичь не мог.

Глава 3. Поиски

Тяжкие, смутные думы одолевали Аттара по дороге к родному крову. Масла в огонь его мысленной агонии подливала не только зловещая беседа со старейшиной, но и чудная встреча с запертым впотьмах отроком. Да и таинственная дева из ночных песков не шла у него из головы... Вопросов в его сердце рождалось всё больше, ответов же, как назло, не находилось вовсе. От этих ли горьких размышлений, или по иной неведомой причине, но Аттару внезапно сделалось худо: голову пронзила резкая, ослепительная боль, заставившая его зажмуриться и застыть на месте.

В тот миг он находился на площади, неподалеку от заброшенной Старой мечети. Старой её нарекли оттого, что люди давно покинули её стены, и она совсем обветшала от времени и бурь. Ни одна живая душа не переступала её порога с самых дней его детства; Аттар и сам не смог бы припомнить, когда в последний раз видел в тех стенах хоть кого-то. Сказать по правде, истинная вера в Шилими давно пошатнулась — ныне она держалась лишь на земной власти да на страхе перед сильными мира сего. А власть здесь измерялась лишь золотом.

Нельзя было назвать Шилими зажиточным городом, но людской род в нем был строго разделен на сословия, и сильные мужи из высшего круга никогда не забывали напоминать простым жителям об их скромной доле. Все богатеи этого края принадлежали к городской знати, и их почитали как существ высшего порядка, избранных судьбой. Однако мало кто из них достиг процветания собственным умом или праведными трудами — в большинстве своем то были преемники, коим предки из поколения в поколение передавали накопленные богатства. Так в городе и остались лишь надменные господа, столь кичливые в своем высокомерии, что порой они приравнивали себя к бессмертным богам.

Большая же часть жителей Шилими состояла из простых и честных тружеников. Кто-то держал скромную лавку под навесом, кто-то рубил мясо на рынке, а иные шли в услужение к богатым домам. Много было разной работы, но именно тяжелым и безропотным трудом весь этот люд добывал хлеб для своих семей и детей. К этому честному сословию принадлежал и сам Аттар.

Гнездо его рода находилось на противоположном конце города — как раз там, где он и очнулся нынешним утром. Жилища в этой части Шилими были сложены не из дерева, а из грубого камня. Дверей по древнему обычаю здесь ни у кого не водилось: проемы закрывали лишь тяжелыми суконными заслонками да плотными ставнями, дабы уберечься от песчаных бурь, ведь эта окраина более других страдала от ярости пустыни. Но дверей не было еще и оттого, что здешний люд исстари славился своей простотой и великим гостеприимством. По вечерам, проходя мимо этих скромных хижин, путник всегда мог услышать ликование и радостный смех, струящийся из каждого окна. В этой части города всем сердцем любили привечать странников, и в каждом доме большие застолья и радушие почитались за священный долг.

Семья Аттара исстари принадлежала к купеческому сословию и владела собственным тайным промыслом. Об их искусстве и секретах мастерства в здешних краях ходили настоящие легенды. Из самых дальних земель люди часто заказывали именно их целебные притирания, а уж западная часть великой пустыни и вовсе была восхищена их дивной работой. Со временем род Аттара наладил прочные связи, поставляя благовонные масла и редкое сырье в те далекие западные края. Аттар же, как самый молодой, сильный и выносливый в роду, вызвался сам возить эти дорогие грузы через пески.

Путь его неизменно пролегал за могучие стены Сеннта. Готовясь к дороге, он седлал своего верного скакуна, крепил к седлу тяжелые мешки да плетеные корзины с заказами и держал шаг к главным воротам. В те времена, дабы покинуть город или вернуться под его сень, каждому путнику требовалось иметь при себе разрешительную грамоту, скрепленную печатью

самого старейшины. И во всем их большом роду лишь Аттар владел этим свитком, ибо он один дерзал уходить за городские рубежи.

Семья его, по древнему обычаю, была велика, и все родичи селились в соседних домах, буквально в одном шаге друг от друга. Во главе рода стоял его отец Аранаг — муж строгого и сурового нрава, стремившийся всё вокруг держать под бдительным присмотром своего ока. Был он человеком старой, закаленнойковки, что читалось в каждом его движении и слове. Аранаг свято чтит заветы предков и возлагал великие, порой непосильные надежды на плечи своего младшего сына.

Матушка же Аттара, напротив, была на редкость спокойной и благородной женщиной. Густые темные кудри обрамляли ее кроткий лик, и Аттар уродился лицом точь-в-точь в нее. Про такие натуры исстари говорили: «женщина с великим сердцем». Все в округе любили и искренне почитали Ганну за ее безграничную заботу. Она всегда была надежным щитом для своего сына, укрывая его от отцовского гнева, и так же, как Аранаг, всем сердцем желала мальчику счастья.

И всё же Аттар оставался одинок — неизбежно одинок даже посреди шумной родни и близких людей. В каждой каменной хижине на этой гостеприимной улице его хорошо знали, да и сам он ведал по именам всех соседей, но истинного родства душ с ними не чувствовал. Спасаясь от этих тягостных мыслей и вечной душевной тесноты, он частенько уезжал за стены Сеннта безо всякого дела, просто ради того, чтобы побыть наедине со своими думами. Иногда он брал коня, а иногда пускался в путь пешком. Он облачался в свой походный черный плащ, укутывал голову легкой тканью, оставляя открытыми лишь пронзительные, полные глубокой думы карие глаза, и безмолвно уходил в бескрайний мир пустынных раздумий.

Однако у судьбы всегда свои предназначения, кои, к несчастью для смертных, редко сходятся с их собственными упованиями. Черной вехой в памяти Аттара осталась та страшная битва у стены Сеннта. Тогда пало великое множество его добрых знакомых — тех самых парней, с кем он некогда коротал вечера за одним столом и преломлял общий хлеб. Безжалостно и много их тогда полегло. Молодые, полные жизни юноши — ровесники его самого и его братьев — безвременно ушли в чертоги смерти. Из всех, с кем Аттар водил близкую дружбу в те годы, уцелел один лишь Рамзи, и спасение его казалось чудом, граничащим с колдовством. Ратники Шилими отстояли стену и выиграли тот бой, но цена победы превзошла всякую меру. И всему виной была ненасытная жажда власти, коей вечно мало подвластных земель для господства. Старейшина Боригар раз за разом намеренно толкал города к кровопролитию: он устраивал дерзкие вылазки у самых рубежей соседних владений, дожидаясь, пока те расвирепеют и первыми ударят по стенам Шилими.

Аттар брел по улице, и пред его мысленным взором оживали те трагические дни. Он вновь видел, как безутешно плакала соседская мать над телом своего взрослого сына, коего привезли из похода бездыханным и страшно изувеченным. Этот истощный вдовий крик до сих пор звенел у него в ушах. И запах... Тот въедливый, удушливый запах безнадежности, бессилия и рабского покорения чудовищам в человеческом обличье. Аттар знал: не так страшны порождения тьмы, какими их малюют в древних сказках, как страшны люди, чьи злодеяния осознанны и хладнокровны. Столько невинных душ страдало от безумных приказов и наговоров старейшины Боригара! Но едва ли не больше было тех, кто почитал деяния тирана за великое благо и приравнивал его к божествам. В слепоте своей они верили, будто лишь Боригар дарует им безопасность и самую лучшую жизнь за каменными стенами города.

Внезапно земля ушла у Аттара из-под ног, голова закружилась, а в ушах раздался пронзительный, нарастающий писк, слышный ему одному. Теряя сознание, он рухнул навзничь, в последний миг успев ухватиться за обветшалый забор Старой мечети. Судорожно дыша, он принялся слепо шарить в поясной сумке, пытаясь нащупать целебные снадобья, как вдруг

сквозь пелену боли его вернул к яви знакомый голос. То был чистый, серебряный голос девы из ночной пустыни.

Аттар рывком поднялся на ноги, сердце его бешено забилося. Он дико озирался по сторонам, силясь отыскать взглядом таинственную спасительницу, но вокруг простиралась лишь пустая, залитая зноем площадь. Он не видел ее, не осязал, но дивный шепот всё еще вибрировал в воздухе. Вдруг прямо к его босым ногам с мягким стуком упала склянка с темным травяным настоем. Путник насторожился: это снадобье не принадлежало ему и было приготовлено не по рецептам его рода. И всё же, повинуясь неведомому велению, он поспешно подобрал стеклянный сосуд и переступил порог заброшенной мечети, ища укрытия в ее прохладной полутьме.

Для Аттара вера всегда оставалась святыней. Он хранил её в сердце наперекор всему, но уповал вовсе не на земную мощь старейшины или его корыстных прихвостней. Нет, он верил во что-то бесконечно большее, и древние стены мечети не были для него главным. Аттар верил во Всевышнего, которому не нужны рукотворные храмы, церкви или святилища. Путник был твердо убежден, что Творец пребывает повсюду и в каждом живом дыхании — даже там, где люди давно забыли Его имя. Ибо Он по милосердию Своему не способен оставить или позабыть Своих детей.

И стоило Аттару переступить порог этого полуразрушенного, ветхого здания, как на душу его снизошел чудный, давно не ведомый покой. Изнуряющая боль в голове утихла, а зловещий писк рассеялся без следа. Его точно пробудил ото сна тот таинственный голос.

Аттар медленно вращал в пальцах баночку из темного стекла, плотно закупоренную деревянной пробкой и бережно перевязанную у горлышка грубой бечевкой. Сквозь темные стенки сосуда угадывалась густая жидкость, на дне которой, казалось, покоились частицы каких-то сухих корней и трав.

— Похоже на целебный отвар, — тихо промолвил он.

Повинуясь любопытству, он потянул за пробку, желая вдохнуть аромат неведомого лекарства. Едва сосуд откупорился, как воздух наполнился нежным, благоуханным запахом цветов. Аттар в растерянности замер: сколько бы он ни силился, он не мог узнать этот аромат. В его родных выжженных краях подобные цветы никогда не росли и не ведали здешнего солнца.

Вдыхая это чудное благоухание, он медленно брел по заброшенной мечети. Сквозь разбитые, обветшалые окна прорывались яркие, золотые лучи полуденного солнца. От неспешных шагов путника с пола поднимались серые песчинки и вековые пылинки, принимаясь водить свой беззвучный, медленный танец в полосах света. Аттар остановился и прикрыл глаза.

В то же мгновение в его сознании живым видением возникла она. Та самая прекрасная дева, что явилась ему в грозную ночь на холодном песке сиротливой пустыни. Он не спешил размыкать веки, желая как можно дольше удержать этот призрачный образ и во всех подробностях воскресить в памяти дивный лик. «*Кто же она на самом деле?*» — раз за разом оборачивался в его мыслях безответный вопрос. Лик незнакомки нимало не походил на лица здешних женщин — ни из его родных кварталов, ни из далеких западных поселений. А быть может, всё это лишь чудной морок? Быть может, израненный разум сам породил это прекрасное видение в бреду и агонии наступающей кончины?

Аттар печально качнул головой и разомкнул веки. Волшебный морок рассеялся. Он бережно спрятал загадочную склянку в поясную сумку, к остальным своим притираниям, и поспешил покинуть прохладную сень Старой мечети, возвращаясь на залитую солнцем улицу.

Голову вновь пронзила тупая, жгучая боль. В разуме путались обрывки воспоминаний — нет, не о дивной деве, но о той роковой ночи в песках. Отчего старейшина и Рамзи в один голос нарекают его ратником? Откуда им ведомо о черных стрелах, пробивших его плоть? И отчего на теле не осталось даже следов былых увечий? Ведомый смутной надеждой, Аттар невольно занес руку за спину, силясь нащупать хотя бы один рубец на месте вражеского наконечника.

Пальцы скользили по гладкой, неврежимой коже. Ран не водилось, но вопросы множились и терзали душу.

За этими горькими мыслями он и не заметил, как добрел до своей гостеприимной улицы. Вдали, сквозь наступающие сумерки, затеплился огонек — то был ласковый свет из окна отчего дома. Родной кров — не просто камни, балки и стропила. То заветная обитель, до краев наполненная памятью о первых робких шагах, детских падениях и прожитых годах. Бытует при- сказка, будто у стен есть уши. Нет, у старых стен бьется свое живое сердце и теплится душа, бережно хранящая тайны рода. Но казалось, эти стены помнили всё превратно. Или же память изменяла ему самому?

Подходя к порогу, он различил в проеме суконной заслонки силуэт. То была мать. Дрожащий свет лампы выдавал её великую тревогу. Увидев сына, Ганна испуганно отшатнулась и прерывающимся голосом спешно кликнула мужа. С каждым шагом очертания её лика становились яснее: Аттар отчетливо разглядел горькие морщинки у глаз и скорбный, затуманенный слезами взор.

— Мама... — едва слышно выдохнул он.

Но Ганна лишь безмолвно отвернулась, утирая слезы краем платка, и скрылась в глубине дома. Вместо нее на порог ступил отец. Лик Аранага был суров, точно высечен из серого камня, а в глазах полыхал грозный гнев.

— В моем доме нет места душегубу. Уходи прочь, — отрезал он.

Эти страшные слова прогреготали над головой Аттара, подобно небесному грому. В ту же секунду Аранаг зашел внутрь и с глухим стуком опустил тяжелую песчаную заслонку отчего дома, отрезав сына от семейного очага.

Аттар остался снаружи, один на один со зноем и тишиной. Разум его оцепенел; он не успел ни осознать этот страшный приговор, ни промолвить слова в свое оправдание. Оглядевшись по сторонам, он заметил, что жители соседних каменных хижин со страхом глядят на него из окон и поспешно заколачивают ставни. До них долетел громовой голос Аранага, заклеивший его убийцей.

Но ведь Аттар не был душегубом! Он прервал дыхание лишь однажды, там, на холме, и память его твердо хранила знание о том, что более ни одна живая душа не пала от его руки...

— Что же здесь происходит? — прошептал он пересохшими губами и устремил взор к ночному небу.

Он чаял увидеть привычный алмазный ковер звезд, но нынче небесный свод заволокли тяжелые тучи, и сквозь их черную пелену проступали лишь две-три самые яркие, холодные звезды.

Аттар еще раз взглянул на покинутый дом, тяжело и прерывисто дыша. В проеме окна вновь мелькнул силуэт его матери — по-прежнему прекрасной, но бесконечно печальной. И в этом долгом безмолвном взгляде путник прочел всё. Ганна не могла поступить иначе: она сокрушалась всем сердцем, что отец прогнал их дитя, но не имела сил перечить воле мужа, ибо исстари привыкла безропотно соглашаться с главой рода. Взрослый Аттар ведал это и не смел судить её, как бы ни была глубока его обида.

Но тосковал не взрослый муж — плакал ребенок в его израненной душе. Маленький мальчик внутри него никак не мог постичь этой жестокости. Сердце ребенка отказывалось понимать, как родная мать способна отречься от своего ребенка, которого сама вскормила, качала в колыбели и баюкала нежными ночными песнями... Отца и взрослым и ребенком Аттар понять мог. Но мать — никогда.

Почтенного Аранага исстари более всего пекло то, что скажут о нем в округе: будь то соседи по улице, жители города или подданные всего королевства. И, конечно же, его страшил суд самого старейшины, пред чьим именем трепетал каждый в Шилими. Нет, Аранаг никогда не числился среди прихвостней Боргара, но он, как и всякий муж, обремененный заботой

о домочадцах, твердо ведал: правителю города не стоит перечить. Все горожане до единого знали о кровавых делах и политических кознях, кои замышлял и безжалостно воплощал в жизнь старейшина; все ведали, как суров он бывает к тем, кто дерзнет ослушаться его воли или коварных наветов. Все знали об этом — и смиренно молчали, покоряясь року. Молчал и отец Аттара.

Сбитый с толку путник еще долго и безмолвно взирал на потемневшее окно отчего дома. Затем он поднял глаза к затянутому тучами небу, беззвучно вопрошая: *«Что же я совершил не так?»*. Он твердо знал, к Кому обращает этот безмолвный призыв, ибо Аттар часто взывал к Творцу. Он искал Его в минуты горькой печали, искал и в часы недолгого радования, коих, впрочем, на его долю выпало куда меньше, чем суровых испытаний. Оттого и вопросы в небесную высь посылались им не с кроткой улыбкой, а с полным непониманием и разбитым сердцем.

Так случилось и ныне. Откинув голову назад и стоя посреди улицы, где он в одно мгновение сделался презренным изгоем и душегубом, Аттар вслух воззвал к Всевышнему:

— Откуда пришла эта напасть? Неужто на пороге смерти я поступил так, как не подобает честному мужу?

Он умолк, сиюсь разгадать, что именно навлекло на него эти страшные гонения. Ответ казался почти очевидным. Почему почти? Ибо в разуме его боролись две догадки. Сперва он рассудил, будто виной всему то горькое деяние, которое он помыслил навек укрыть в песках пустыни и запереть в самых потаенных глубинах своего сердца. Быть может, он жестоко ошибся, и содеянное им на холме было не милосердным благом, а грехом, разгневавшим небеса? Быть может, он не избавил доброго коня от мук, а безжалостно отнял дарованное ему дыхание? Неужто он сам уподобился беспощадным деспотам в тот роковой миг? Нет, Аттар всеми силами гнал от себя эти дурные думы, убеждая себя в правоте, но путник ведал, что еще долгие годы станет корить себя и сокрушаться о погибшем друге...

Вторая же догадка была куда более запутанной и зловещей. Из головы его не шли вкрадчивые речи старейшины. Боригар ведал слишком много о часах, когда Аттар оставался один на один со своей душой и безмолвной пустыней. Правитель никак не мог очутиться там, равно как Рамзи и его ратники. И уж совсем чудными казались слова о целом отряде и тайной вылазке. Все эти наветы представлялись Аттару безумием, ведь он отродясь не участвовал в военных походах Дома Старейшины — ратные забавы и стратегические игры владык всегда были чужды его мирной натуре. Он спокойно жил под кровом отца и промышлял честной купеческой торговлей. Поднять меч на ближнего, а тем хуже лишить кого-то жизни — на такое он не пошел бы никогда.

Конечно, смертный не может предугадать, как повернется его судьба, и Аттар не ведал, что однажды взмахом клинка прервет дни своего верного скакуна, но то совершилось ради пощады.

— Но что, если и все их речи — тоже правда? — с затаенным ужасом прошептал Аттар в ночную тьму, тщетно сиюсь вспомнить, что же произошло с ним до того, как черные стрелы пронзили его плоть.

Он крепко зажмурился, сиюсь пробиться сквозь туман разума и воочию узреть подлинную картину той роковой ночи. Но стоило векам сомкнуться, как во тьме перед ним соткались те самые изумрудные очи. Они глядели прямо на него, глубоко и неотрывно, приковывая к себе весь его внутренний взор. А вслед за этим откуда-то издалека, сквозь завывание бури, донесся тоскливый вой пустынного койота и едва различимый, нежный девичий шепот: *«Всё это неправда...»*.

Аттар рывком разомкнул веки и торопливо огляделся по сторонам. Сердце его бешено колотилось, он замер, надеясь уловить ее присутствие или заметить легкое колыхание черных суконных одежд на пустой площади. Но взору его предстали лишь безмолвные каменные

хижины родной улицы, где один за другим угасали ночные огни. Лишь в окне его отчего дома по-прежнему теплился одинокий, тревожный свет.

«Быть может, мне стоит вернуться? Постучать в ставни и поведать им всё как есть?» — промелькнула в его душе слабая надежда, но он тотчас прогнал её, горько усмехнувшись собственной наивности. Ведь он и сам не помнил что тогда произошло с ним...

Его пугало и в то же время странно утешало то, как часто перед ним являлся этот загадочный образ. Дивная пустынная дева будто ведала сокровенные тайны его судьбы. Она возникала перед ним вновь и вновь — обрывисто, вскользь, лишь на краткое мигновение, но неизменно всякий раз, когда он закрывал глаза. Она приходила тогда, когда мир вокруг рушился, а сам Аттар бывал окончательно разбит и одинок.

Теперь путник твердо осознал: за всеми этими кознями и ложью стоит зловещая воля старейшины Боригара. Но докопаться до истины и распутать этот страшный узел ему поможет лишь она — дева с серебряными волосами и пронзительным изумрудным взглядом. Быть может, её очи видели в ту ночь то, чего не смог или не успел запомнить его собственный разум?

Глава 4. Не бойся меня

Пески раскинулись перед ним, подобно великой и могучей реке, что застыла и оцепенела под серебряным лунным светом. Бескрайние барханы мерцали, точно россыпь драгоценных камней, едва небесное светило касалось их своими зыбкими лучами. Было в этом безмолвном величии нечто чудно успокаивающее; Аттар исстари любил бродить по песчаным холмам, погружаясь в тайные думы своей души.

Уходя, он увел из отцовского двора кобылицу — животное старое, но еще полное сил. Шкура её была пестрой, коричнево-черной, а густая темная грива в иных местах была бережно заплетена в тугие косы. Аттар всем сердцем любил лошадей. Порой ему казалось, будто эти кроткие создания понимают его куда лучше, нежели люди: они слушали без лишних слов и праздных вопросов, и путник часто делился с ними тем, что таил на сердце. Был он всадником заботливым и добрым, из тех мужей, кто никогда не станет гнать коня до полного изнеможения; он почитал их за верных и равных товарищей, вовремя даруя им сытный корм и добрый отдых. В эту глухую ночь он оседлал кобылицу и, держа в руках разрешительный свиток, направился к могучим воротам стены Сеннта. Он твердо решил во что бы то ни стало отыскать ту деву, которая оставалась единственной свидетельницей его беды.

Для Аттара ныне всё было поставлено на карту. В один единственный день рухнул весь его привычный и мирный уклад: отрекся родной отец, отвернулась матушка, а сам он безнадежно заплутал в лабиринтах собственной памяти. Но страшнее всего было то, что он перестал доверять самому себе. Путник более не ведал, кем он был на самом деле и что сотворил в те роковые часы — это незнание давило на его плечи непосильной, тяжкой ношей. Казалось, невидимые недруги раз за разом опускали на его главу тяжелые камни, утяжеляя и без того горький удел. Сперва свой камень возложил старейшина, вслед за ним — отец и матушка... Сердце его изнывало от этой тесноты, и он уповал лишь на встречу с незнакомкой: её очи точно запечатали подлинную правду. «*Та ночь...*» — точно заклинание, кружилась в его разуме одна и та же дума, пока он силился воскресить в памяти хотя бы малую малость.

Вот кобылица уже миновала подъемные ворота твердыни. В дозоре и страже нимало ничего не изменилось: зубчатые стены высились всё так же грозно, и обычаем обыска был привычен и прост. Показываешь стражникам грамоту, открываешь походные сумки и мешки, даешь осмотреть конскую уздечку и седло, а после, приняв свиток обратно из рук дозорного, держишь путь далее под открытое небо. Всё свершилось по заведенному порядку, без сучка и задоринки, но отчего-то ныне эта простая уличная суета, бывшая частью его прежней жизни, показалась Аттару чуждой и зловещей.

Он ехал верхом, неспешно взбираясь на крутой песчаный гребень; огни Шилими за его спиной постепенно тускнели, и сам город казался теперь совсем маленьким. В вышине плыла луна — яркая, круглая, точь-в-точь как...

— Серебряная монета! — сорвалось с его уст, и Аттар вздрогнул, вспомнив свои недавние думы у Старой мечети.

Он ведь уже нарекал её так в ту самую роковую ночь. И в этот миг путник уразумел: дабы сорвать завесу с беспамятства, ему должно шаг за шагом повторить весь свой прежний путь и в точности пережить ту самую ночь в песках.

В былые годы Аттар часто совершал дальние поездки в чужие края, но более всего сердцем лежал к западному порубежью пустыни. Тамошние жители казались ему совсем иными. Внешним ликом и статной осанкой они ничем не отличались от него самого или его братьев, но таилось в их нраве нечто особенное, присущее лишь их древнему роду. Они всегда были ласковы к Аттару и открыты душой; среди них он чувствовал себя так же покойно, как под

мирным отчим кровом. За долгие лиги от дома в тех краях у него появились добрые и верные знакомцы, и среди них водились искусные лекари и знатоки целебных трав.

Память неохотно, по крупицам, возвращала ему картины прошлого. Аттар вспомнил, что в ту роковую ночь он держал путь как раз со стороны запада — перед тем он доставил большой груз масел для тамошних мастеров парфюмерного дела. Западные края этой бескрайней пустыни были куда богаче и изобильнее: там рекой текли золотые монеты, а диковинные товары и услуги не знали счета. В тамошних цветущих городах, куда Аттар возил плоды семейного промысла, шумели огромные рынки, и путник всем сердцем любил бродить среди их пестрых рядов. Там всегда можно было отыскать нечто невиданное и странное — вещь, которая, быть может, никогда не пригодится тебе в жизни, но которая манит своей уникальностью. Торговцы со всех концов света стекались на это великое торжище. Казалось, будто сам город, куда он доставлял благовония, представлял собой один нескончаемый базар, а жители его вовсе не ведали сна, только и делая, что стояли за прилавками да яростно спорили за лучшую цену.

Тот заветный заказ в город Валдиз был доставлен на имя почтенного купца. Тот исстари брал масла лишь у рода Аттара, ибо они славились своим редким качеством по всему свету, хотя семья его вела дела далеко не с каждым встречным. Для них было делом чести, чтобы их чистый товар шел лишь на доброе и благородное дело. А ведь из тех масел искусники умели творить великие чудеса: парфюмеры Валдиза делали из них благоуханные духи и драгоценные притирания для омоложения, кои так любили знатные девы тех богатых краев. И мастера без устали создавали всё новые, искусные композиции ароматов — и в каждой из них таилась частица трудов семьи Аттара.

«Ароматы...» — беззвучно прошептал путник, пока кобылица мерно несла его на запад.

Он повторил это слово еще раз, и в мыслях его тотчас всплыл образ темной склянки, что неведомым чудом упала к его ногам у Старой мечети. Что же это было за снадобье и из каких глубин оно явилось? Каким цветам принадлежал этот дивный запах и от какого недуга исцелял отвар? Раз за разом он погружался в омут своих раздумий. Повинуясь порыву, Аттар достал из поясной сумки стеклянный сосуд, всё так же наглухо перевязанный сухой бечевкой.

— Стало быть, мне не привиделось. Оно и впрямь у меня, — задумчиво промолвил он, вертя склянку в пальцах, и вновь потянул за деревянную пробку.

Он медленно и глубоко вдохнул благоухание, силясь уловить хотя бы одну знакомую ноту, что напомнила бы ему о родном доме. Но тщетно. Пахло непривычно, чуждо, но до того нежно, что сердце его замирало. Аттар уразумел, что путь его предстоит неблизкий, и если судьба не сведет его в песках с той загадочной девой, то разгадать тайну отвара ему поможет лишь старый верный друг.

Там, за чертой зыбучих песков, в славном городе Валдизе, жил его добрый знакомый — парфюмер по имени Форд. Брат его работал всего в четырех лавках от него на шумном рынке, промышляя лечебными травами, редкими сборами и целебными настоями. В том далеком городе, после изнурительной и опасной дороги через барханы, Аттар всегда становился желанным гостем в уютном доме двух братьев. Там он мог смыть дорожную пыль, отдохнуть с пути и набраться сил перед обратной дорогой в Шилими. Братья те были похожи друг на друга как две капли чистой воды. Оба невысокие, крепкого, ладного сложения мужи с густыми каштановыми волосами до самых плеч. Лет им в ту пору было около сорока, хотя Аттар из вежливости никогда не расспрашивал их о возрасте. По виду их можно было судить, что им давно пора бы обзавестись собственным очагом, женами и кучей ребятишек, но ничего этого у них не водилось. Они без остатка горели своим ремеслом и не мыслили собственной жизни без трав и флаконов. А уж Форд и вовсе был из тех редких людей, чья великая харизма и веселое обаяние переступали порог комнаты гораздо раньше, чем появлялся он сам.

Знатные девы тех краев питали к Форду великую слабость, и число их поклонниц росло год от года. Сама природа его ремесластавляла парфюмера в глазах прекрасного пола зага-

дочным романтиком или возвышенным поэтом. На деле то было совсем не так, однако Форд без тени смущения пользовался своей славой. Он частенько говаривал: *«Не я обманываю их, они сами рады обманываться»*. И в речах этих крылась горькая истина: ни одна из тех девиц и не пыталась заглянуть в его душу, дабы узнать его подлинный нрав — им нужен был лишь пленительный образ, сотворенный их собственным воображением. Оттого Форд так и не встретил ту единственную, которая пожелала бы разглядеть за романтической пеленой честного, настоящего человека.

Брат же его, Том, напротив, познал муку несчастной и безответной любви. Был он нравом робок и застенчив до крайности, и у него никогда не хватало духу заговорить с той, кем было пленено его сердце. Окрестные торговцы не уставали дивиться, как у столь удалого ловеласа, как Форд, брат может быть столь зажатым и скованным. А Том любил — безмолвно и преданно, наблюдая за своей избранницей со стороны. То была Аннабель, супруга купца из соседней лавки. Сама она на торжище не промышляла, но частенько навещала мужа, привозя ему полуденную трапезу в чистом тканевом свертке. Была она девой доброй, муж же её, напротив, славился лютой жестокостью и корыстолюбием.

Том изо дня в день наблюдал, как бережно Аннабель укутывала обед для своего супруга, и как белела в её руках глиняная чаша, украшенная узором из алых маковых цветов. Он видел, как робела несчастная женщина, протягивая мужу эту чашу, и как тот с бранью швырял заботливо приготовленные яства наземь и поднимал на нее руку. В те страшные минуты Тома сковывал малодушный страх: он не находил в себе смелости заступиться за Аннабель и лишь прятался за своим прилавком, оставаясь безвольным свидетелем этих бесчинств. Сердце травника обливало кровью; он грезил наяву, что принеси она эту чашу ему, он расцеловал бы её руки в знак вечной благодарности и никогда не позволил бы скорби коснуться её лица. Но вся его великая любовь выливалась лишь в робкое приветствие: *«Доброго дня вам, госпожа»*, на что он получал тихий ответ: *«Доброго дня и вам, господин»*.

К этим-то братьям и держал путь Аттар, уповая, что на западном рынке они явят ему спасение. Кто-то из двоих точно сумеет пролить свет на его тайну: травник разгадает целебные свойства настоя, а парфюмер узнает диковинный аромат цветов. Быть может, подлинная разгадка его участи и впрямь томилась на дне этой маленькой склянки.

Пока путник предавался воспоминаниям, над бескрайней пустыней неспешно поднялось багровое солнце. Дневной зной тотчас вступил в свои права, и сухой песок под копытами кобылицы стал обжигающим и острым, точно толченное стекло. Аттар плотнее укутал лицо походной тканью и накрыл спину своей верной лошади плотной белой попоной, дабы помочь бедному животному перенести ярость дневного пекла. К счастью, Аттар исстари умел читать по звездам, и еще до того, как утренняя заря погасила небесные светила, он успел верно наметить свой маршрут через зыбучие барханы.

Под палящими лучами дневного светила пустыня являет путникам чудные иллюзии, зыбкие миражи и оптические искажения, кои делают эти края еще более загадочными и пугающими. В таких безмолвных пределах всегда не по себе тем, кому есть что утаивать от мира и прятать от самих себя. С человеком же честным — и прежде всего пред собственной совестью — у пустыни совсем иной уговор. Пред ним она открыта, и кажется, будто древние пески готовы поведать страннику свои вековые тайны или помочь разгадать потаенные думы его собственной души. В этом одиночестве ты безраздельно предоставлен лишь своему разуму, и отсюда ведут два пути: первый — к просветлению духа, а второй — к еще большему помутнению рассудка.

Аттар же чаял обрести в песках долгожданные ответы. Сидя верхом на кобылице, он внимательно осматривался по сторонам. От невыносимого зноя воздух пред его взором сделался плотным, густым и горячим — казалось, эти невидимые волны можно потрогать руками или рассечь клинком. Жар тяжелыми ударами обрушивался на его темя. Фляга с ключевой

водой покоилась в седельной сумке, укрытая легким белым сукном, дабы хоть немного защитить влагу от ярости солнца. Но жажда не мучила путника; им владело лишь одно яростное желание — поскорее сорвать завесу с тайны.

Кобылица безропотно вела всадника по песчаным увалам, то и дело глубоко увязая своими тонкими ногами в зыбучей массе. Тяжел и изнурителен был их ход. Они брели так уже много часов, но унылый ландшафт вокруг оставался неизменным. Аттар оглянулся на багровый диск солнца, оставшийся немного позади: оно уже миновало зенит и не пекло прямо над головой, склоняясь к закатным рубежам. Но когда путник оборачивался, ему чудилось, будто огненное око неотступно преследует его по пятам. От удушливой духоты и жара голову Аттара вновь пронзила жгучая боль, разум его помутился, и он камнем рухнул со взмыленного седла прямо на раскаленный песок.

Кобылица от испуга взвилась на дыбы и пронзительно заржала. От этого трубного звука Аттар очнулся и распахнул глаза, но взору его предстала не залитая зноем пустыня, а прохладная ночная степь. Он в растерянности огляделся по сторонам: верная лошадь стояла подле него, а в ночной дали смутно проступали колеблющиеся очертания. То был караван всадников. Рассудив, что пред ним могут быть те самые разбойники, что совершили нападение в роковую ночь, Аттар единым махом взлетел в седло и вихрем помчался в ту сторону. Не щадя кобылицы, он яростно погонял её, хватаясь за этот призрачный шанс вернуть утраченное прошлое.

Однако очертания чужого отряда не становились отчетливее. По мере того как кобылица настигала их, силуэты начали размываться, дрожать и в одно мгновение рассыпались пред ним, точно серая пыль под порывом ветра. Налетевший морок растаял. Аттар резко натянул поводья и осадил лошадь. Бедное животное было загнано и совершенно обессилено; всадник взглянул на её морду и содрогнулся — кобылица тяжело, прерывисто дышала, и из её приоткрытого рта вырывался хриплый, болезненный стон.

— Великие силы, сколько же часов я безжалостно гнал её? — с раскаянием подумал путник, чувствуя, как рассудок его окончательно застигает туман.

Охваченный стыдом, Аттар поспешно соскользнул наземь, взял захрипевшую лошадь под уздцы и побрел пешим, увлекая её за собой. Но куда именно вел его этот призрачный путь, он теперь не ведал и сам.

Небесный свод оставался темен — ни единой звезды не проглядывало сквозь плотную пелену, а с верного маршрута путник сошел, ослепленный погоней за призрачным караваном. Даже луна, казалось, лишилась своей прежней силы и освещала его стезю с неохотой; всё вокруг сделалось тусклым, зыбким и полным мрака. Тогда Аттар побрел наугад, вверив свою долю провидению. Устремив взор к невидимым небесам, он негромко произнес:

— Доверюсь Тебе, Всевышний. Я ведаю, что у Тебя есть Свой предначертанный план на мой счет. Веди меня сквозь эту тьму!

Но ландшафт оставался неизменным. В этом блеклом, умирающем лунном свете бескрайние пески казались живыми; они таинственно мерцали, точно шептали древние забытые предания на своем безмолвном песчаном наречии. Слабый ветер, едва шевеливший гребни барханов, рождал шорохи, подобные тихим голосам призраков. Аттар замер: слуха его коснулась чудная песня. Она отдавалась глухим эхом и точно разносилась по всему ведомому миру, укрывая собою каждую песчинку. Путнику на миг померещилось, будто этот напев издает само лоно пустыни.

Однако то было иное колдовство. Тот ласковый голос он уже слышал прежде, и таинственная речь была знакома его сердцу, равно как и дивный взгляд... Но отчего же ныне, когда он смыкал веки, пред ним более не соткались её изумрудные очи? Смешавшись и нервно оглядываясь по сторонам, силясь разгадать, откуда льется эта песнь, Аттар почувствовал, как голова его вновь закружилась. Перед глазами плыла удушливая серая завеса. Одиночество пустыни

давило на него, и несчастному казалось, будто он уже целые эпохи и тысячелетия скитается по этим проклятым пескам, не в силах отыскать спасительный исход.

Охваченный яростью и бессилием, Аттар вновь рухнул на остывающий ночной песок. Он судорожно запустил пальцы в зыбкие крупы, пытаясь ухватиться хоть за что-то осязаемое и реальное в этом мире морока. Земля уходила из-под ног, всё кружилось в безумном танце. Смыкая веки, он с мольбой прошептал в темноту:

— Где же ты?..

Но ответа не последовало. Чудная песня оборвалась, и все звуки вокруг принялись затихать, угасая один за другим. И в этот миг сомнение черной змеей зашевелилось в его груди. Теперь он не был уверен, что ночное видение несло ему благо. Что, если именно эта дева повинна во всех его несчастьях, а он, точно глупый мотылек, сам прилетел на этот призрачный свет навстречу гибели?

— Что ты за проклятие такое... — едва слышно выдохнул он, видя перед собой лишь непроглядную тьму.

— Не бойся меня, — прошептал нежный шепот в ответ.

Аттар рывком открыл глаза. Теперь он зрел её изумрудный взгляд наяву — дева стояла перед ним, осязаемая и настоящая, и разум его не был омрачен безумием. Всё вокруг ещё зыблилось и плыло, точно в тумане, и он никак не мог разглядеть её лик почётче, дабы запечатлеть в памяти хоть малую малость. Язык его онемел и не повиновался воле; он отчаянно пытался вымолвить вопросы о той роковой ночи, но из груди его вырывалось лишь невнятное, глухое мычание. «*Что же она сотворила со мною?*» — в ужасе крутилось в его мыслях. Теряя последние силы, он бессильно опустил голову на песок. И, угасая, путник увидел её тонкую ладонь, которая ласково гладила его по колену, пока сама дева тихо нашептывала что-то на своем древнем, дивном наречии...

Глава 5. Там на западе

Покои, где очнулся путник, являли собою тихий оазис умиротворения, где само время, казалось, замедляло свой извечный ход. Стены были обтянуты мягким, хранящим тепло сукном, словно бережно обнимавшим всё пространство комнаты. Яркий солнечный свет струился сквозь широкое окно, вырезанное в виде дивного витража из сотен разноцветных стекол, отчего на выбеленном полу дрожали и мерцали пестрые, радужные узоры. Убранство комнаты было простым, но изысканным, безмолвно отражая благородный нрав хозяев этого дома. На дубовом столе покоилась раскрытая старинная книга о целебных травах, и поля её были густо покрыты записями, сделанными чьей-то торопливой рукой. В углу же высился почтенный книжный шкаф; казалось, он хранил в себе тысячи и тысячи мудрых томов. Потолки в палате были высоки, и шкаф уходил к самым небесным балкам, оставляя лишь тонкий просвет под кровлей. Воздух в доме был напоен густым, бодрящим ароматом свежего кофе, приносившим с собою дивное чувство уюта.

Аттар пробудился от этого благоухания и плавно поднялся со своего ложа. Он обнаружил, что лежит в дорожных брюках, но без рубахи; та, белая как чистый холст, висела на стуле подле окна, и витражные блики окрасили её ткань во все цвета радуги. Облачившись в неё, путник направился к резной лестнице, что вела на нижний ярус дома, где кофейный аромат становился еще гуще и слаще.

Аттар медленно спустился в поварню и опустился на стул у стола. Окна здесь были обычными, из прозрачного стекла, и оттого комната была залита чистым утренним светом. Путник безмолвно принялся наблюдать за хозяином дома — нынешним утром тот хозяйничал в одиночестве. Его гостеприимный знакомый Том уже нес к столу две исходившие паром чаши с ароматным питьем. Аттар чувствовал себя покойно и безмятежно в этих стенах, ибо не раз в былые годы находил здесь приют после долгих странствий.

— Уже дня три миновало, как ты отсыпaeшь под нашей кровлей, — со смиренной и доброй улыбкой промолвил Том, придвигая чашу.

— Дня три... — эхом отозвался Аттар, и сердце его сжалось от нехорошего предчувствия.

— Быть может, теперь ты готов поведать мне хотя бы малость? — ласково спросил травник. — Ведь я обнаружил тебя без чувств у самых ворот Валдиза.

— Чуть позже, друг мой, — тихо ответил путник, качнув головой. — Я и сам покуда не властен уразуметь, что за напасть приключилась со мною в песках. Помню всё смутно, точно сквозь серый туман.

— Что ж, не стану неволить. Давай тогда разделим утреннюю трапезу, а после поспешим в мою лавку на рынок. Поищем среди моих запасов нужные снадобья и коренья, они вернут тебе крепость духа и просветлят разум, хотя бы самую малость.

— Точно! Травы! — воскликнул Аттар, и глаза его лихорадочно блеснули.

Он порывисто потянулся рукой к поясу, но ладонь его встретила лишь пустоту — заветной сумки на месте не оказалось. Встревоженный путник принялся расспрашивать Тома, обнаружили ли у городских ворот подле его тела хоть какое-то добро: походный мешок, кобылицу или дорожные вещи. Том печально опустил взор и поведал, что Аттар лежал на песке в полном одиночестве. Свиток и кобыла, быть может, и были при нем, но увы! Вместе с нынешним изобилием и жаждой наживы на западных рынках расплодилось великое множество лихих людей и карманных воров. Они без зазрения совести грабят ныне даже вооруженные купеческие караваны, а уж одинокий, бездыханный путник и вовсе был для них легкой добычей.

— Стало быть, всё украдено под чистую? — с горечью спросил Аттар.

— Не хотелось бы мне произносить эти горькие слова, но, верно, так оно и есть. Искренне жаль твою добрую кобылицу... — тихо отозвался Том.

— Лошадь мне жаль, и то правда, но стократно больше я сокрушаюсь о потерянной сумке!

— Что же ты за хозяин такой, — возмутился травник, и брови его сурово сошлись на переносице, — если жизнь верной бессловесной твари и друга ставишь ниже какой-то кожаной сумы?

— Дело вовсе не в том, что я ставлю её ниже, — поспешил оправдаться Аттар, — а в том, ради чего я держал столь опасный путь в ваши края. Я ведь шел на запад лишь ради тебя и твоего брата, уповаю, что вы поможете мне. А в той сумке таилась главная загадка.

— Так говори, в чем твоя беда! Разумеется, мы с Фордом приложим все силы, дабы помочь тебе. А коли сами окажемся бессильны, так отыщем в Валдизе того, кто сдюжит. Мы здесь, на великом рынке, все связаны крепкими узами. Коли надобен лучший лекарь — найдем лекаря, коли знаток мясного дела — позовем мясника, да хоть наемного убийцу из тайного братства тебе сыщем, только замолви слово!

Аттар мягко улыбнулся, и на душе его потеплело от искренней заботы друга. Он был бесконечно благодарен Тому и его брату за каждую ночь, что некогда провел под их гостеприимным кровом, и ныне эта верность тронула его до глубины сердца. Путник неспешно отпил глоток горячего, бодрящего питья и отведал местной сладости, приготовленной из меда и колотых орехов. Хозяин дома тем временем наспех осушил свою чашу и поторопил гостя. Оставив недоеденную трапезу, они принялись поспешно собираться в дорогу, держа путь к рыночной лавке в надежде отыскать там исцеление от неведомого недуга.

Аттару не давал покоя тот заветный флакон с неведомым отваром; можно было смело молвить, что в эти часы он и вовсе заиклился на нем. Путник без конца прокручивал в уме картины той первой ночи в зыбучих песках, но и всё то, что приключилось вслед за нею, ныне казалось ему обманчивой иллюзией, едва уловимым маревом. Чудилось, будто эти обрывки памяти принадлежали вовсе не ему, а какому-то чужому, неизвестному человеку. Аттар не мог взять в толк, отчего он внезапно стал забывать эти ночи, и отчего само знание о собственном «я» неудержимо ускользало от него. От подобных мыслей путник содрогался, и жуткий холод подступал к его сердцу. Ведь он очнулся на голой земле у чужих городских ворот, на самом краю гибели, и если бы не старый товарищ Том, что было бы с ним тогда?

Тягостные думы угнетали и изводили его, но Аттар заставил себя собраться с духом. Он накинул на плечи свой походный темный плащ, а легкую защитную ткань, которой укрывался от бурь, просто повязал на пояс — здесь, на процветающем западе, в ней не водилось особой надобности.

Аттар замер на крыльце, дожидаясь хозяина дома. Том тем временем бережно и неторопливо закрывал свое жилище на несколько тяжелых врезных замков. То были могучие ворота — массивные, кованые, из черного железа, и на их холодной поверхности красовался дивный узор из искусно выбитых маковых цветов.

— Никогда прежде я не замечал этих маков на твоих дверях, — с удивлением промолвил Аттар. — Давно ли они здесь красуются?

— Недавно, друг мой, совсем недавно, — отозвался Том, проворачивая ключ в замочной скважине. — Я выписал их из далекой деревушки Намиры, от тамошнего кузнечного мастера. На нашем рынке поговаривали, будто этот умелец знает толк в суровом железе и способен оживить его, придав металлу любую форму. Прямо-таки захвалили мне его купцы! Что ж, вынужден признать: они не солгали. Маки вышли совсем как настоящие, не находишь? — Травник на миг замер, завороченно глядя на узор собственного крыльца.

— Истинная правда, будто живые, — согласился Аттар, но вкрадчивая догадка коснулась его ума. — Но откуда в тебе взялась эта страсть к цветам?

— Я полюбил, пока тебя не было в наших краях, — открыто и с кроткой улыбкой признался Том.

— Я всем сердцем рад за тебя, друг! — воскликнул Аттар, и на душе его впервые за утро посветлело. — Но кто же эта счастливица? Всё ли у вас серьезно?

— Она прекрасна, точно утренняя заря, — грустно промолвил хозяин дверей, и улыбка его угасла. — Но она не моя...

Они держали шаг вдоль мощеных улиц, сложенных из гладкого серого камня, направляясь прямоком к великому рынку. В былые годы Аттар более всего любил коротать там часы; еще в ранней юности он и сам не раз стоял за прилавком, усердно трудясь на благо своего рода, и память его хранила о тех временах лишь тепло и трепет. Тогда он получил свой самый первый заработок и почти тотчас спустил все звенящие монеты на какие-то юношеские глупости. Спустя многие зимы он так и не смог припомнить, что же именно купил на те первые деньги. Быть может, оттого его сердце и лежало к оживленным рынкам — к этим пестрым крытым шатрам, суконным палаткам и крепким деревянным постройкам, кои никакая буря не сумела бы сокрушить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.